

На правах рукописи

Верба Ирина Павловна

**КОСТРОМСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ
ЕЁ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В «МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ
РУССКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА» А. Н. ОСТРОВСКОГО**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Орёл – 2006

Работа выполнена на кафедре русского языка Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор
Ганцовская Нина Семёновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Королёва Инна Александровна;
кандидат филологических наук
Алёшина Лариса Михайловна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический университет»

Защита состоится «22» мая 2006 г. в *12⁰⁰* часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук при Орловском государственном университете по адресу: 302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского государственного университета

Автореферат разослан «*10*» апреля 2006 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Гришанова В. Н.

Важной задачей современного языкознания является системное описание словарного состава русских народных говоров. Изучению фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей костромских говоров посвящены работы ряда лингвистов [Бурова 1977; Виноградов Н. Н. 1904, 1917; Ганцовская 1992, 1996, 1997, 2003, 2006; Захарова 1970; Касаткин 1977, 2002; Красильщик 1999; Лебедева 1995; Малышева 2005; Мельниченко 1974; Нерехотский 1820; Никулина 1996, 2001; Покровский 1897, 1899; Цветкова 2004, Шкляр 1962, 1970 и др.]. Однако в широком научном обиходе представление о костромской диалектной лексике является далеко не полным, что определяет актуальность выбранной темы. Среди различных источников изучения костромских говоров, в том числе лексикографических, особое место занимают «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского.

Творчество А. Н. Островского является предметом исследования многих учёных, аспекты его изучения различны: поэтика пьес, наследие Островского в пространстве культуры, эпистолярика драматурга, тема театра Островского и др. Безусловно, необходимо рассматривать наследие драматурга в комплексном осмыслении литературных, культурологических, исторических, социальных факторов.

Несмотря на многоаспектность изучения творчества А. Н. Островского, «Материалы для словаря русского народного языка» до настоящего времени не являлись предметом специального монографического изучения.

Мы рассматриваем костромскую диалектную лексику, отражённую в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского, в синхронии и диахронии, а также анализируем особенности её дескрипции в указанном лексикографическом источнике.

Объектом исследования является дискурс «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского как лексикографического источника изучения костромской диалектной лексики.

Предметом исследования служат структурно-семантические особенности костромской диалектной лексики «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского, её ареальная характеристика, а также особенности лексикографического описания в данном источнике.

Материалом исследования послужили 877 лексем «Материалов для словаря русского народного языка». В их числе более ста слов (112), которые Островский характеризует как костромские, 93 слова с пометой «Волга», 671 слово, не имеющее в «Материалах...» географической пометы, но получившее её в ряде случаев после выявления употребления слова в современных костромских говорах, 11 слов с иными ареальными пометами, активно функционирующих в костромских говорах.

Цель исследования – выявление структурно-семантических особенностей костромской диалектной лексики «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского, её ареальной направленности, а также специфики лексикографического описания в данном источнике.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- определить диапазон костромской диалектной лексики, являющейся материалом исследования;
- охарактеризовать «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского как лексикографический источник изучения костромской диалектной лексики и место в нём рассматриваемой лексики;
- выявить структурно-семантические особенности костромской диалектной лексики «Материалов...», её функционирование в современных костромских говорах;
- установить ареальные связи костромской диалектной лексики «Материалов...» в русских говорах;
- уточнить место костромской диалектной лексики в системе русских народных говоров;
- выявить особенности лексикографического описания костромской диалектной лексики в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского.

Применяются следующие методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, лингвогеографический; приёмы структурно-семантического и концептуального анализа лексики, элементы компонентного и контекстного анализа; статистическая обработка данных.

Гипотезой исследования является положение о том, что лексический состав костромских говоров, отражённый в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского,

многообразен и устойчив, даёт достаточно широкое представление об их особенностях, сохранился до наших дней и является важным источником изучения материальной и духовной культуры центра России.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые комплексно исследуется данный сегмент лексико-семантической системы русского языка, а «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского впервые монографически рассматриваются как источник изучения русских народных говоров в качестве самостоятельного лексикографического произведения.

Теоретическая и практическая значимость работы. Анализ лексем, отражённых в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского, позволяет выявить структурно-семантические особенности костромской диалектной лексики, её ареальную дистрибуцию, уточнить место костромских говоров в системе русских народных говоров. «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского вводятся в научный оборот как источник изучения русских народных говоров, представляющий самостоятельную научную и практическую ценность. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при изучении таких филологических дисциплин, как диалектология, лексикология, лексикография, история русского литературного языка, в спецкурсах и спецсеминарах по изучению творчества писателей XIX в., в частности языка их произведений. Материалы диссертации могут быть использованы также в школьной практике учителя-словесника.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационной работы изложены в докладах и сообщениях автора на Щелыковских чтениях (2000, 2001, 2002, 2005), I Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура» (Иваново, 2001), на Всероссийской научной конференции «В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография» (Ярославль, 2001), на Всероссийской научно-практической конференции «"Снегурочка" в контексте драматургии А. Н. Островского» (Кострома, 2001), на всероссийских диалектологических совещаниях по «Лексическому атласу русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 1999, 2003), на II Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – словари»

(Иваново, 2003), на Всероссийской научно-практической конференции «А. Н. Островский в движении времени» (Шуя, 2003), на Международной научной конференции «Проблемы семантики языковых единиц» (Кострома, 2004), на Второй региональной научной конференции «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2004), на III Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – лексикография – фразеология» (Иваново, 2005), на Международной научно-практической конференции «Информационный потенциал слова и фразеологизма» (Орёл, 2005).

Положения, выносимые на защиту:

1. «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского содержат ценные для отечественной лексикологии и лексикографии сведения, являются источником изучения костромской диалектной лексики.

2. «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского являются самостоятельным, цельным и законченным лексикографическим произведением, в котором реализованы общие подходы к созданию словаря народного языка, отражённые в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словаре русского языка» под редакцией А. А. Шахматова и в целом прижившиеся в славянской традиции.

3. Лексикографическое описание костромской диалектной лексики в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского характеризуется точной и убедительной интерпретацией языковых фактов, которые рассматриваются через призму народного сознания, бытового и ритуального поведения.

4. «Материалы для словаря русского народного языка» показывают, что лексический состав костромских говоров, описанный А. Н. Островским, многообразен и достаточно устойчив.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка словарей и их условных сокращений, приложений (схема Костромской области, схема Островского района Костромской области, схема территориальных изменений Костромской области после административных делений 1918–1944 гг., сокращения названий районов Костромской области, список обследованных населённых пунктов районов Костромской области). Основной объём диссертации – 198 страниц.

Содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, новизна, определяется объект, предмет, методы исследования, формулируются его цель и задачи, определяется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В главе 1 рассматриваются общие вопросы, связанные с изучением диалектной лексики и особенностями её лексикографического описания, в числе которых мы выделили следующие: системная организация диалектной лексики, диалектное слово в речи и словарях, этнолингвистический подход в лексикографии к характеристике лексики «народного» языка, костромские говоры в диалектном членении русского языка.

В параграфе 1 обосновывается системный подход, который является наиболее эффективным для изучения семантики и функционирования диалектного слова. Понимание русской диалектной лексики как некоей макросистемы – одно из исходных положений современной диалектологии – нашло своё отражение в ходе анализа костромской диалектной лексики в структурно-семантическом аспекте. Для установления связи между словами и обозначаемыми ими реалиями мы следуем широко распространённому принципу деления лексики по отдельным тематическим группам (ТГ). Для определения внутренней семантической связи слов, особенностей смысловой структуры языка в целом проведено исследование лексики по лексико-семантическим группам (ЛСГ). Структуру лексического значения слова мы рассматриваем традиционно. Так как объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности, мы сочли необходимым дополнить анализ костромской диалектной лексики характеристикой семантических отношений с точки зрения оценочного подхода к предмету или явлению внешнего мира.

Параграф 2 посвящён определению диалектного слова в речи и словарях. В работе мы пользуемся общепризнанным положением о том, что признаком принадлежности слова к диалектной лексике является локальная ограниченность его употребления, т. е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык. Принципы отбора слов при составлении диалектных словарей определяются нами в ходе обзора основных этапов развития русской диалектной лексикологии и лексикографии. Детально рассмотрены

формы описания русской диалектной лексики в региональных словарях, созданных во второй половине XX в. в России.

В параграфе 3 отражена сущность этнолингвистического подхода в лексикографии как перспективного метода презентации диалектной лексики. Этнолингвистический подход в лексикографии, зародившийся в середине XIX в., носил во многих случаях эмпирический характер. Его развитие привело к тому, что при лексикографическом описании говора стали выделяться основные тематические группы лексики традиционной народной культуры, в том числе духовной. Ориентация диалектного словаря на традиционную лексику «крестьянского» быта и культуры привела к оформлению в лексикографии последних десятилетий принципа создания словаря полного типа («Псковский областной словарь с историческими данными» (Л., 1967–), «Словарь брянских говоров» (Л., 1976–1983. Вып. 1–3)).

Параграф 4 содержит историко-географический очерк территории, на которой распространены костромские говоры, прежде всего говоры юго-западной части бывшей Костромской губернии, и посвящён рассмотрению места костромских говоров в диалектном членении русского языка. Мы обращаемся, во-первых, к делению «наречий великорусского языка», предложенному В. И. Далем, которое «дополняет более или менее положения Н. И. Надеждина и М. А. Максимовича» [Даль 1981: XLVII], во-вторых, к классификации русских говоров 1915 г., в-третьих, к диалектному членению 1964 г. Ареальное членение русского языка дополнено структурно-типологической классификацией, разработанной Н. Н. Пшеничновой. На основе рассмотрения состава некоторых лексических групп, представленных в работе Г. Г. Мельниченко «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в.», определены лексические зоны употребления отдельных лексем, входящих в состав костромской диалектной лексики. Ареальная характеристика костромских говоров дополнена данными этнографии, которые позволили исследователям народной культуры XIX – первой четверти XX в. выделить особые историко-этнографические зоны, среди которых есть и юго-западная часть Костромской губернии. Совокупность языковых черт характеризует эту территорию как достаточно обособленную в языковом плане. Находясь на территории бывшего Владимиро-Суздальского

княжества, в центре формирования великорусской народности, юго-запад Костромской губернии представляет научный интерес в качестве пограничной зоны севернорусских и среднерусских говоров. Говоры Островского района, особенно тех поселений, которые входили в Кинешемский уезд Костромской губернии, вследствие взаимодействия ряда причин внутреннего и внешнего характера постепенно изменяются в сторону преобладания среднерусских диалектных черт.

В главе 2 «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского рассматриваются как источник изучения костромских говоров.

В первую очередь определяем место «Материалов...» в славянской лексикографической традиции. Мы вводим это лексикографическое произведение в ряд отечественных словарей и шире – славянских, предлагавших комплексный подход к лексике языка как материалу для словаря, включающего в себя диалектную, профессиональную и другую лексику наряду с общеупотребительной. Стремление к накоплению «национально-самобытной лексики» было, как известно, общей чертой при создании отдельных славянских лингвистических словарей общенационального масштаба, которые представляют собой «сокровищницу» национального языка в эпоху формирования литературного языка. Это такие словари, как «Сербский словарь» Вука Караджича, «Словарь хорватского или сербского языка» Дж. Даничича, «Словарь болгарского языка» Н. Герова, «Словарь белорусского наречия» Н. И. Носовича, «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Новые идеи в русской лексикографии воплотились также в академическом «Словаре русского языка» под редакцией А. А. Шахматова. При определении места «Материалов...» в славянской лексикографической традиции мы учитывали также, что важное значение для утверждения этнолингвистического подхода в лексикографии имели не только словари общенационального масштаба, но и русские так называемые «областные» словари («Опыт областного великорусского словаря», «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря», «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского и др.).

В параграфе 2 дана общая характеристика «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского. «Материалы...» насчитывают 1140 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Заглавное слово имеет ударение (при повторном издании, в 10-м томе ПСС в 12 томах, ударение имеют только те слова, в которых оно было поставлено самим Островским). После заглавного слова даются грамматические пометы. В систему помет входят также пометы географические, стилистические, пометы, указывающие на область специального употребления слов, их историческую перспективу (детально система помет рассмотрена нами в параграфе 4). Используются основные типы дефиниции лексического значения: описательная, синонимическая и отсылочная. В толкование включён иллюстративный материал.

Параграф 3 посвящён истории создания «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского. В результате работы с архивными источниками, хранящимися в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина, мы определили источники 501 словарной статьи «Материалов...» из 1140. Как представляется, в основу «Материалов...» лёг «Опыт волжского словаря. Собрание слов, употребляемых на Волге и её притоках – относительно дна, берегов, заливов и прочее. Относительно судоходства, судостроения и других речных и береговых промыслов». «Материалы...» дополнены «Словарём на карточках», лексическими материалами «Листков к словарю», «Разрозненных листков (материалов к словарю)», «Черновых заметок к словарю Даля», «Материалами путешествия по Волге», явившимися результатом работы А. Н. Островского в ходе этнографической экспедиции и частично опубликованными под названием «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода». Источники 639 статей оказались неизвестными по причинам объективного характера: часть автографов не сохранилась, часть пока не расшифрована. Те принципы лексикографической деятельности, которых придерживался А. Н. Островский, нашли определённое отражение, как представляется, в предпринятом разборе словаря Даля. В центре внимания Островского – «различие областных слов от бытовых, неизвестных городским жителям, – образованным, – учёным». По его мнению, «...нам нужны не столько областные слова, сколько слова *бытовые*, потому что мы не знаем самих вещей,

называемых этими словами». Самым лучшим методом Островский вслед за Далем считал толкование «народным толком», что, безусловно, отразилось в лексикографическом дискурсе «Материалов...».

Характеристике лексикографического дискурса «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского посвящён параграф 4. «Материалы...» являются авторским произведением, поэтому мы рассматриваем их в целом как результат речевой деятельности. В них нашли отражение типичные черты, обусловленные экстралингвистическими факторами: культурно-языковой ситуацией эпохи, соотношением различных пластов национальной культуры, успехами в области русской и славянской лексикографии, общим вниманием к народному слову, спецификой языковой личности автора и др.

Лексикографический дискурс «Материалов...» охарактеризован нами как реперсонализированный, что обусловлено введением личности автора в словарное высказывание. Это проявляется и в способах семантизации лексем, и в метаязыке «Материалов...». Прежде всего отчётлива манера Островского вести разговор с читателем, чему способствует применение определённых речевых формул, например «называют» и «говорят»: Из статьи «Бárка»: «Барками вообще называют без разбору суда, идущие подъёмом, тягую лошадей по каналам и рекам... частью сплавом при полой весенней воде...»; из статьи «Облобáчилось»: «[Так] говорят, когда судно встретило береговой ветер из оврага». Для показа деривационных отношений Островский использует приём, побуждающий читателя к поиску решения какой-либо лексикографической задачи. В определение слова в некоторых случаях введён этимон. «*Ин*. [То же, что] един. Отсюда – инок»; «*Доволи*, наречие. Довольно (сколько было нашего хотенья). Отсюда – удовлетвить – удовольствие» и др. Иногда Островский вводит этимон в само определение слова. Например, в статье «Долóй» Островский прямо указывает на то, что это наречие, имеющее значение '[то же, что] на землю, наземь', по происхождению является формой дательного падежа имени существительного *далу*, *долови*. Слово *доль* ранее склонялось как основа на **й* [см.: Шахматов 1957: 83]. Особенностью лексикографического дискурса «Материалов...» является также полемика А. Н. Островского с В. И. Далем, воплотившаяся в «Разборе

словаря Даля». Важную роль играют «Материалы...» и для понимания драматургии А. Н. Островского.

При анализе «Материалов...» выявлена система помет, характерная в целом для метаязыка этого лексикографического источника: географические, указывающие как на широкую территорию распространения слов и значений, так и на их узкую локализацию, стилистические, определяющие область специального употребления лексем, историческую перспективу слов (в последнем случае Островский подчеркивает важность степени архаизации лексемы, актуализирует сигнификативный компонент значения слова).

Географические пометы указывают на территорию распространения слов и их значений от самого обобщённого до весьма детального. В «Материалах...» представлена лексика различной региональной окрашенности. Обследуя во время этнографической экспедиции территорию верхней части Волги – от истоков до Нижнего Новгорода – Островский отобразил особенности языка жителей Твери, Ярославля, Костромы и других верхневолжских городов. Однако Островский, используя принятое у речников трёхчастное деление Волги, включает в «Материалы...» кроме лексики Верховья также лексику Средней и Нижней Волги, т. е. от Твери до Астрахани, до Каспийского моря. Островский в одних случаях даёт широкие географические пометы, например, «Волга», «моск.», «сев., вост.», «не только южн., но и сев., и вост.» и др., в других случаях сужает их «Волга, Калязин», «Волга, твер., яросл.», «моск., бронниц.» и др. В «Материалах...» представлен также северо-запад России (Чудское озеро, Тихвин, Петербург и др.), северные территории (Олонецкая, Архангелогородская губернии, Мурманское побережье, Карелия, Белое море), южные (Одесса, Крым, Чёрное море, Днепр, Дон), а также Сибирь, Зауралье, Украина (Чернигов, Харьков, Воынь).

В параграфе 5 отражена представленность в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского костромской диалектной лексики. Островский характеризует как костромские более ста слов: 77 слов с пометой «костром.», 14 слов с двойной пометой «костром., кинеш.», 8 слов с пометой «кинеш.», 6 слов с двойной пометой «костром., яросл.», 6 слов имеют, кроме других, также помету «костром.», 1 слово имеет широкую помету «сев., вост.». Итого 112 слов «Материалов...» могут быть определены как

костромские диалектные слова. Кроме того, 87 слов «Материалов...» имеют помету «Волга», 4 слова – «Верхняя Волга», 2 слова имеют указание «на Волге». Данные картотеки Костромского областного словаря позволили во многих случаях сузить широкую географическую помету «Волга» и рассматривать «волжские» слова как костромские диалектные. Материал исследования был расширен также за счёт лексем, не имеющих в «Материалах...» географической пометы (671 слово), но получивших её после проверки функционирования в современных костромских говорах.

Нами выявлено, что в «Материалах...» представлена костромская диалектная лексика различной частеречной принадлежности, широкого тематического диапазона. Лексический материал, содержащийся в «Материалах...», позволяет получить определённое представление о говорах, распространённых на юго-западной территории бывшей Костромской губернии.

Глава 3 «Регионально окрашенная лексика “Материалов для словаря русского народного языка” А. Н. Островского и современные костромские говоры» посвящена рассмотрению лексики в лексикографическом, структурно-семантическом и ареальном аспектах.

В результате наложения 887 лексем «Материалов...» на лексическую систему костромских говоров был выявлен ряд слов, в количестве 363, которые сохранились в том или ином виде в современных костромских говорах.

А. Н. Островский отразил в «Материалах...» те фрагменты материальной и духовной культуры, на основе которых выработывались нормы народного самосознания, что лежало в основе жизни русского народа. Лексический состав костромских говоров, описанный А. Н. Островским, свидетельствует о доскональном знании им народной жизни.

В «Материалах...» представлена костромская диалектная лексика широкого тематического диапазона: названия леса, деревьев, растений, грибов, ягод; названия животных, птиц, земноводных, рыб; названия почв, водоёмов, особенностей рельефа; названия атмосферных и климатических явлений; астрономические понятия; лексика по теме «Семья. Семейные отношения», названия людей по роду занятий, обрядовая, календарная, мифологическая терминология, названия крестьянского жилища и его частей, построек, хозяйственных приспособлений, средств передвижения,

путей сообщения, названия домашней утвари, пищи, одежды, обуви, производственная лексика льноводства, птицеводства, животноводства, плотницкого, столярного, гончарного дела, пчеловодства, рыболовства, полеводства, огородничества.

Костромская диалектная лексика, отражённая в «Материалах...», рассмотрена нами в соответствии с установками ЛАРНГ в составе нескольких ТГ, которые делятся на подгруппы, а затем на ЛСГ. Основной лексический материал, дающий представление о костромских говорах, мы рассмотрели в виде следующих ТГ: «Природа», «Семья. Семейные отношения», «Традиционная народная духовная культура», «Названия людей по роду занятий», «Материальная культура».

Используя лингвогеографический метод исследования, мы определили, что наибольшей сохранностью в современных костромских говорах (91 %) обладают слова, имеющие в «Материалах...» пометы «костром.», «костром., кинеш.», «кинеш.». Во-первых, это лексика по теме «Природа»: *ба́лмочь (ба́лмошь), глуха́рь, дух, ело́ха, ерши га́лицкие, кисли́ца, мышья́к, отва́рушка, плённик, подуго́рье, порохови́ца, просмо́ра, ря́зь, сиву́н, стоб́ое дерево, храпо́вник* и др.; во-вторых, многочисленная и разнообразная лексика материальной культуры, которая даёт представление о специфике бытовой стороны жизни сельского населения костромского края, сохранившейся в основных чертах до наших дней: *бесе́дка, заво́зня, закро́й, засы́пка, зобёнька, ка́ты, колесни́ца, коря́ки, кулё́йка, ла́вы, ли́па, меша́лка, мякинни́ца, напáрник, носи́ла, но́чвы, обмо́лок, остро́вье, па́денье, пёстер, плись, помолоту́ха, по́риши, пряму́шка* и др.

Высокой степенью сохранности обладает костромская лексика, относящаяся к традиционным видам деятельности, связанным с земледелием. По теме «Полеводство» это *гнездо́, заборозди́ться, заро́д, кровáтка, кровáть, нога́, покосье, пометáть, поса́д, спорынья́, ста́лковать, тесёмочный ячмень* и др.; по теме «Льноводство» – *обжёмки, омя́лье, отрё́ье* и др.; по теме «Огородничество» – *гра́бать, постельник, рассáдник* и др. Употребляются в современных костромских говорах лексемы животноводства – *ля́мошник*; плотницкого дела – *лыси́ть дрова, плашник, подтёсок* и др.; рыболовства – *выта́нивать, подлёдник, распорный невод* и др. Актуальность в костромских говорах лексики полеводства, льноводства, огородничества обусловлена её

относительной сохранностью по сравнению с лексикой других видов производственной деятельности ввиду традиционности этого рода занятий для населения данной историко-этнографической зоны.

В ходе структурно-семантического анализа немногочисленные по своему составу ТГ «Семья. Семейные отношения» и «Традиционная народная духовная культура» расширены за счёт слов с иными ареальными пометами, активно функционирующих в костромских говорах. В составе ТГ «Семья. Семейные отношения» рассмотрены термины родства *крани́вник*, *мнук*, *плёмя*, *подзаборник* и глагол *жалеть*, которые определяют специфику костромских говоров как в лингвогеографическом, так и в этнолингвистическом аспекте. Включение в состав ТГ «Традиционная народная духовная культура» слов с иными ареальными пометами позволило полнее выявить разнородный состав этой лексики, которая играет важную роль при определении составляющих народной культуры. Терминология свадебного обряда представлена в «Материалах...» в составе следующих ЛСГ: «Наименования осмотра хозяйства жениха и сопровождающих этот процесс обрядовых действий» – *смотрёны*; «Наименования обрядовых действий, сопровождающих сватовство» – *запрёс*, *свидышки*; «Наименования обрядовых и ритуальных действий свадебного дня» – *подход*; «Наименования свадебных блюд» – *подно́с*; «Наименования ритуалов, связанных с переходом невесты в иную социальную группу» – *крути́ть невесту*, *посидёлка*. К обрядовой церковной лексике, обозначающей различные действия, целью которых является исцеление человеческого духа, относятся лексемы *поновить* и *отчитывать*. Способ магического отбирания урожая с чужого поля обозначает термин *пережинать*. Обрядовое значение этой лексемы было выявлено в результате использования словника «Материалов...» в качестве программы для обследования говоров юго-западной территории бывшей Костромской губернии. По данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», пережин является известным у русских (реже у белорусов) термином, обозначающим способ магического отбирания урожая с чужого поля. Эти этнографические данные дополняют ареальную характеристику костромской диалектной лексики. Обрядовое значение лексемы отмечено в СРНГ с пометами «Яросл., 1901. Пск., Твер., Смол., 1896. Иван.-Вознес.» [вып. 26, с. 106], а также актуализировано в современных говорах Островского района Костромской области: *Слыхала я от отца, Ивана Архипыча, что были люди, которые в ночь*

на Иванов день ходили по полю вверх ногами и пережинали (говорили, что зубами) узкую, еле заметную полоску в 2-3 стебля шириной. Это делали для того, чтобы их амбары были полными. Пережинали не свою полосу, а чужую, но хозяевам от этого не было вреда. Такие люди встречались очень редко. Их считали колдунами. Ивану Архипычу приходилось видеть такие пережатые полоски, но людей, которые пережинают, никто не видел. Остров. Щельково. У нас ночью полосы пережинали: у меня, у Марфы и у Степана. Остров. Хомутово. Данные полевых исследований подтверждают распространение на юго-западе бывшей Костромской губернии поверий о пережинщиках и содержат описание характерных примет этого обряда: пережин делали в ночь накануне Ивана Купалы (во время созревания ржи перед началом жатвы); обряд этот совершали колдуны, которых никто никогда не видел; ходили колдуны вверх ногами и перекусывали стебли зубами; в результате пережина оставалась узкая полоска, а урожай переносился с чужого поля в закрома колдунов. Употребляется в костромских говорах древнее наименование знахарства *ведьмство*, а также термин *побы'вшиться*, обозначающий заключительный этап жизненного пути человека. К календарной терминологии относятся хрононимы *кратівное заговенье* и *карачун*, к демонологической – *епішка*, *му́рин*, *неве́рный*. Названия лиц по роду занятий, содержащиеся в «Материалах...», перешли в основном в пассивный запас языка, однако играют важную роль для реконструкции представлений о жизненном укладе того времени, прежде всего жизни крестьян.

В ряде случаев нами была сужена широкая географическая помета «Волга» – *голáвль*, *горá*, *затóр*, *моль*, *наплáв*, *недóбка*, *у́повод*, *чекма́рь* и др.; в одном случае – помета «Сев. Волга» – *грíвы лесные*; в одном случае – помета «Верх. Волга» – *сад*; в одном случае – помета «сев., вост.» – *жалéть*. В одном случае географическая помета «Кологрив. Костром. губ.» была расширена – *пряму́шка*. Получили помету «костром.» в результате проверки сохранности лексики в костромских говорах 43 % слов, не имеющих в «Материалах...» географических помет. Наибольшее количество таких лексических единиц входит в ТГ «Природа»: *ва́льная погода*, *ва́ндыш*, *гла́дыш*, *грíва*, *грудистая (о земле)*, *грудница*, *за́ячник*, *замóр*, *запада́ть (о ветре)*, *затóн*, *за́ячий щавель*, *земля́нка*, *зно́йкий*, *куст*, *ла́вда*, *лопу́шник*, *морóз у́тренник*, *перекрóй*, *перемóчки*, *петрóвки*, *пету́ший гребешок*, *полудéнный*, *ра́менный лес*, *ряби́нка* и

др.; а также в ТГ «Материальная культура»: *барс, ġлухарь, игла, кичи́га, ко́чет, лопáс, овiн, овiнники, пáзушина, передкi, пластiнник, простя́нки, рóзвальни, рóспуски, ряд, скат колéс* и др.

А. Н. Островский использует в «Материалах для словаря русского народного языка» различные способы семантизации лексем, которые позволяют представить предмет или явление действительности во взаимосвязи с другими предметами и явлениями, показать системные отношения слова, сложность его семантической структуры.

Толкование заглавного слова содержит, как правило, большое количество информации: *бáрка, бурундук, вя́зка, зачiтываться, кабалú наедать, коловóй, лысiть дрова, молодéц, на молоду, острóвье, перемóчки, плéмя, пóршни, холóй* и др. В случае толкования слова «народным толком» А. Н. Островский использует диалектные слова. Таковы толкования слов *забороздiться, мякiнница, омя́лье, отрéпье, перекрóй, перемёр, рóзвальни* и др. Например: «Рóзвальни, мн. Сани, у которых грядки идут к заду развалом» – здесь актуализирован дифференцирующий признак ‘устройство’, который лёг в основу номинации: «грядки идут к заду развалом»; в дефиниции использовано диалектное *гря́дки* в значении ‘жердь’. Включена в толкование слов и профессиональная лексика, в основном термины барочного судоходства (*живáя вода, кореннiй-водолiвный, осёрдок, отурiть, сáда, холóй, чáльщики* и др.). В отдельных случаях в одну словарную статью Островский включает однокоренные слова, что позволяет указать на непосредственные словообразовательные связи и прояснить значение слова: *иск, искóвые пчёлы; лес, лёший; липа, липка; отрéпливать, отрéпье; пережсинáть, пережáть, пережсинáться; подугóрье, подугóрный; рамó, рамно* и др. Например, слово *горá* имеет в «Материалах...» широкую географическую помету «Волга», толкуется синонимом «берег», толкование расширено за счёт контекста: «ехать горой – значит ехать сухим путём» и иллюстрации: *Ты как ехал, горой али водой?* В современных костромских говорах слово *горá* сохраняет значение, отмеченное Островским: *Мы вчера прямо с горы рыбу ловили. Мантур. Вы водой или горой поедете?* Остров. Клеванцово, Кады́йск. *В горе-то ласточки гнёзда делают. Шарьин. Производными словообразовательного гнезда лексемы горá являются отмеченные в «Материалах...» слова подугóрье, подугóрный.* Толкование этих слов приведено Островским в одной словарной статье: «Подугóрье, ср.

Подугóрный [прил.]. Находящийся под горой; (более) выкинутый, брошенный под угор в овраг. – *Ах ты, падь (падаль) подугорная* – бранит баба теленка или корову. Кинеш.». В современном говоре с. Щелькова Островского района сохраняется значение слова *подугóрье* ‘место под горой’: *Наша корова, оказывается, в подугорье пасётся*. В говоре с. Адищева Островского района сохранилось значение, в котором актуализируется только коннотация ‘бранное’: *Ругает бабка козла: Ах ты, подугорный*. Безусловно, домашний скот доставлял много хлопот, когда уходил с места выпаса в овраги, под угор, под гору, которая в народном сознании была особым местом. В народной космогонии гора являлась локусом, соединяющим небо, землю и «тот свет» [Славянские древности, т. 1, с. 520], поэтому в языке не случайно существование таких слов, как, например, *Горы ныч*. Горынычем, по толкованию А. Н. Островского, содержащемуся в «Материалах...», называется «родящийся в горах, вытекающий из гор (сын горы)». Это соответствует пониманию связи горы с такими сакральными объектами, как дерево и вода. Связь с деревом проявляется в основном на языковом уровне (ср. неразличение значений ‘гора’ и ‘лес’ во многих славянских языках). В некоторых фольклорных текстах (загадках, заговорах) гора – место нахождения сакрального дерева, чаще всего дуба. Вода же, по народным представлениям, вырывается из треснувшей горы [Славянские древности, т. 1, с. 521].

В толкование ряда слов «Материалов...» включена этимология: происхождение топонима *Кологрив* связывает Островский с названием леса *грíва*; в значении лексем *грудь*, *грудница*, лексических единиц с денотативно-ограничительным компонентом *грудистая*, *грудкая* (о земле) актуализирована сема ‘ком’; прямое указание на максимально удалившееся от первоначального значение устойчивого сочетания *ра́менный лес* содержится в словарной статье «Рамó»: «*Рамó, рамно*, ср. Ветвь и рука. Много сёл и деревень носят название рамень» и др. В толкованиях слов часто представлены значения, близкие к этимологическому (*бесéда, зобёнька, ла́ва, лукá, сад* и др.). На многие слова, имеющие иной ареал распространения, Островский обратил внимание потому, что слышал их в Щелькове и его окрестностях. Например, значение костромского слова *громóк* помогло Островскому правильно этимологизировать московское словосочетание, включающее слово с подобным корнем, *громовая вода*: «*Громóк*. Название некоторых особенно чистых клочей. Костр.,

кинеш. В Москве ещё недавно мытищенскую воду называли громовой водой. От этого сложилась легенда, что в Мытищах ударил гром и образовался ключ. На этот случай есть и стихи Языкова. Дело объясняется проще: мытищенский ключ из таких, которые называются “громок”».

Синонимические дефиниции в толковании славянских хронимов (*заговенье, карачун*), в толковании демонологических персонажей (*епишка, му́рин, невёрный*) обращают нас к этнолингвистическим разысканиям и тем идеям, которые отразил А. Н. Островский в «Материалах для словаря русского народного языка».

Одним из способов семантизации лексем является также их интерпретация драматургическим материалом. В пьесах А. Н. Островского раскрывается сигнификативная область значения лексемы *жалеть*, находящегося на периферии общего значения семемы *любить*; значение слова *ты́сячник*, характеризующего крестьянина по его финансовому положению; содержание таких терминов родства, как *подзаборник* и *плёмя*. Значение лексемы *плёмя* обращает нас к древнеславянской традиции употребления этого слова и положено А. Н. Островским в основу детально разработанной им темы племянничества, т. е. взаимоотношений «рода» и «племени», богатого дяди или богатой тётки и бедного племянника или бедной племянницы, что позволяет реконструировать один из важнейших социальных институтов русского общества того времени. Приёмы концептуального анализа позволили выявить концептообразующую функцию отдельных лексем, представленных в «Материалах...». Например, тема оставленных родителями детей, усугублённая темой их социального отторжения, остро стоит в пьесе «Без вины виноватые», так как текстообразующим и в целом концептообразующим моментом её является слово *подзаборник*. В пьесе Островский в деталях раскрывает денотативную область этого понятия. Впервые его употребляет Дудукин, когда рассказывает Кручининой о Незнамо́ве: «...а он, какой-то подзаборник, ещё смеет отказываться». И тут же, на вопрос Кручининой о том, что такое подзаборник, формулирует понятие: «Ребёнок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору» (действие II, явление 3-е). Судьба таких детей известна: отца и матери они не помнят, в приёмной семье бесконечное пьянство, ссоры и драки. В одно прекрасное утро таких детей выгоняют из дома совсем, и они

перезезжают из города в город под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить их на родину. Сам Незнамов, произнося «тост за матерей, которые бросают детей своих», называет себя именно так: «А бывают матери и почувствительнее; они... вешают своему ребёнку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что бедному ребёнку помнить?.. Зачем оставлять ему постоянную память его несчастья и позора? Ему и без того каждый, кому не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором» (действие IV, явление 10-е). Незнамов назван в пьесе по-разному: «несчастный сирота», «имеющий незаконное происхождение», «подкидыш», «приёмный». Однако ничто не доставляет Кручининой такого внутреннего страдания, как слово «подзаборник»: *Незнамов*. Ведь, в сущности, я дрянь, да ещё подзаборник. (Незнамов берёт руку Кручининой.) *Кручинина* (*отвернувшись, тихо*). Не говорите этого слова: я не могу его слышать (действие II, явление 5-е).

Как представляется, выбор слов драматургом для лексикографического описания был обусловлен не только культурными и общеязыковыми факторами, но и темами, которые были важны для Островского и в плане драматургического творчества.

В целом лексикографическое описание костромской диалектной лексики в «Материалах...» характеризуется точной и убедительной интерпретацией языковых фактов, которые рассматриваются через призму народного сознания, народного менталитета, бытового и ритуального поведения, особое внимание уделяется этническим реалиям. Семантизация слов отличается точностью и глубиной проникновения в суть описываемого языкового факта. Толкования у Островского часто представляют собой образный рассказ, в который включена разговорная лексика, метафоры и другие выразительные средства. Островский предпочитает логическим определениям развёрнутые толкования. Причём толкование и иллюстрации смыкаются, органически включая в себя элементы прямой или несобственно-прямой речи, этнографические и фольклорные материалы, этикетно-обрядовые клише. Подобная лексикографическая обработка народного слова нередко представляет собой самостоятельные этнографические этюды, которые не утратили своего значения и могут быть использованы для дальнейших исследований по этнолингвистике. Например, слово *ліпа*

и уменьшительное к нему *лѣпка* А. Н. Островский определяет развёрнуто: «Низенькая кадочка, на которой сидят сапожники, когда шьют сапоги. – *Посадить на липку: начать мальчика учить сапожному ремеслу (обыкновенно начинают тачать голенища)*. Костром.». Ср. в Словаре Даля: «*Лѣпка...* Твр., пск. дуплянка, обитая сверху кожей, сиденье сапожников» [Даль, т. 2, с. 253].

Проблема презентации костромской диалектной лексики в «Материалах...» решается Островским в пользу эмпирически этнолингвистического подхода, дающего возможность адекватной интерпретации многих моментов материальной и духовной культуры, отражённых в языке. Островский разделяет общие подходы к созданию словаря народного языка, определённые в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словаре русского языка» под редакцией А. А. Шахматова и в целом прижившиеся в славянской традиции. Мы можем говорить о триаде отечественных лексикографов Даль – Островский – Шахматов с их своеобразными лексикографическими установками в отношении словаря, который должен быть тезаурусом, т. е. должен включать в себя диалектную, профессиональную и другую лексику наряду с общеупотребительной, и вообще в отношении лексикографического отражения народного языка, где неразрывно должны быть слиты стихии книжная и народно-разговорная с широкой диалектной базой.

В заключении подводятся общие итоги и формулируются перспективы исследования. Лексика «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского позволяет получить определённое представление о говорах, распространённых на юго-западной территории бывшей Костромской губернии, которая характеризуется как достаточно обособленная в языковом плане. Находясь на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества, в центре формирования великорусской народности, в ареальном плане юго-запад Костромской губернии представляет научный интерес в качестве пограничной зоны севернорусских и среднерусских говоров. Причём говоры Островского района, особенно тех поселений, которые входили в Кинешемский уезд Костромской губернии, под влиянием говоров более южного происхождения постепенно изменяются в сторону преобладания среднерусских диалектных черт. Важными являются также этнографические данные, позволяющие дополнить и углубить наши представления об этой историко-этнографической зоне. В

«Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского содержатся ценные для отечественной лексикологии и лексикографии сведения, касающиеся диалектной, этнографической, профессиональной, жаргонной и другой лексики, в основном характерной для центра России (Москва – Верхнее Поволжье). «Материалы...» являются уникальным лексикографическим источником изучения русской диалектной лексики, прежде всего костромской.

Таким образом, «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского дают широкое представление о структурно-семантических особенностях костромской диалектной лексики, её ареальной направленности. «Материалы...» впервые рассматриваются в науке в качестве источника изучения костромской диалектной лексики, имеющего самостоятельную научную и прикладную ценность. Использование «Материалов...» в этом качестве позволило установить, что лексический состав костромских говоров, описанный А. Н. Островским, многообразен и достаточно устойчив.

«Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского в дальнейшем могут рассматриваться в качестве регионального словаря, являющегося важным источником изучения лексики духовной и материальной культуры центра России. Дальнейшее изучение «Материалов для словаря русского народного языка» также позволит расширить и углубить изучение лексикологического и лексикографического аспектов творчества А. Н. Островского, дополнив их соответственно материалами пьес, дневниками и перепиской драматурга.

Очевидно, что «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского как источник изучения русских народных говоров, прежде всего костромских, имеют самостоятельную научную и прикладную ценность. В данном качестве они рассматриваются в науке впервые.

Основные положения диссертационной работы представлены в следующих публикациях:

1) **Плюснина, И. П.** Лексика по теме «Трудовая деятельность» с пометой «костром.» в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского (к вопросу об источниках ЛАРНГ) [Текст] / И. П. Плюснина // Лексический атлас

русских народных говоров (материалы и исследования) 1999. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2002. – С. 78–82.

2) **Плюснина, И. П.** Костромская диалектная лексика в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского (наименования предметов и явлений окружающей природы) [Текст] / И. П. Плюснина // Щельковские чтения. А. Н. Островский и современная культура. – Кострома : [б. и.], 2000. – С. 33–36.

3) **Плюснина, И. П.** Лексика традиционной народной духовной культуры в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского [Текст] / И. П. Плюснина // Щельковские чтения. А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. – Кострома : [б. и.], 2001. – С. 64–66.

4) **Плюснина, И. П.** Проблема презентации диалектного слова в этнокультурном контексте: В. И. Даль и А. Н. Островский [Текст] / И. П. Плюснина, Н. С. Ганцовская // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летнему юбилею В. И. Даля, Иваново, 5–7 апр. 2001 г. В 2 ч. Ч. 1. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. – С. 151–156 (в соавторстве, авторские 0,12 а. л.).

5) **Плюснина, И. П.** «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского как источник изучения русских народных говоров (лексика, характеризующая личность и поведение человека) [Текст] / И. П. Плюснина // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография : материалы всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2001. – С. 37–40.

6) **Плюснина, И. П.** Костромская народно-разговорная лексика в «Снегурочке» А. Н. Островского [Текст] / И. П. Плюснина, Н. С. Ганцовская // «Снегурочка» в контексте драматургии А. Н. Островского : материалы науч.-практ. конф. – Кострома : [б. и.], 2001. – С. 27–32 (в соавторстве, авторские 0,12 а. л.).

7) **Плюснина, И. П.** Лексика «Материалов для словаря русского народного языка» в поздних пьесах А. Н. Островского [Текст] / И. П. Плюснина // Щельковские чтения. Проблемы эстетики и поэтики творчества А. Н. Островского. – Кострома : [б. и.], 2002. – С. 205–208.

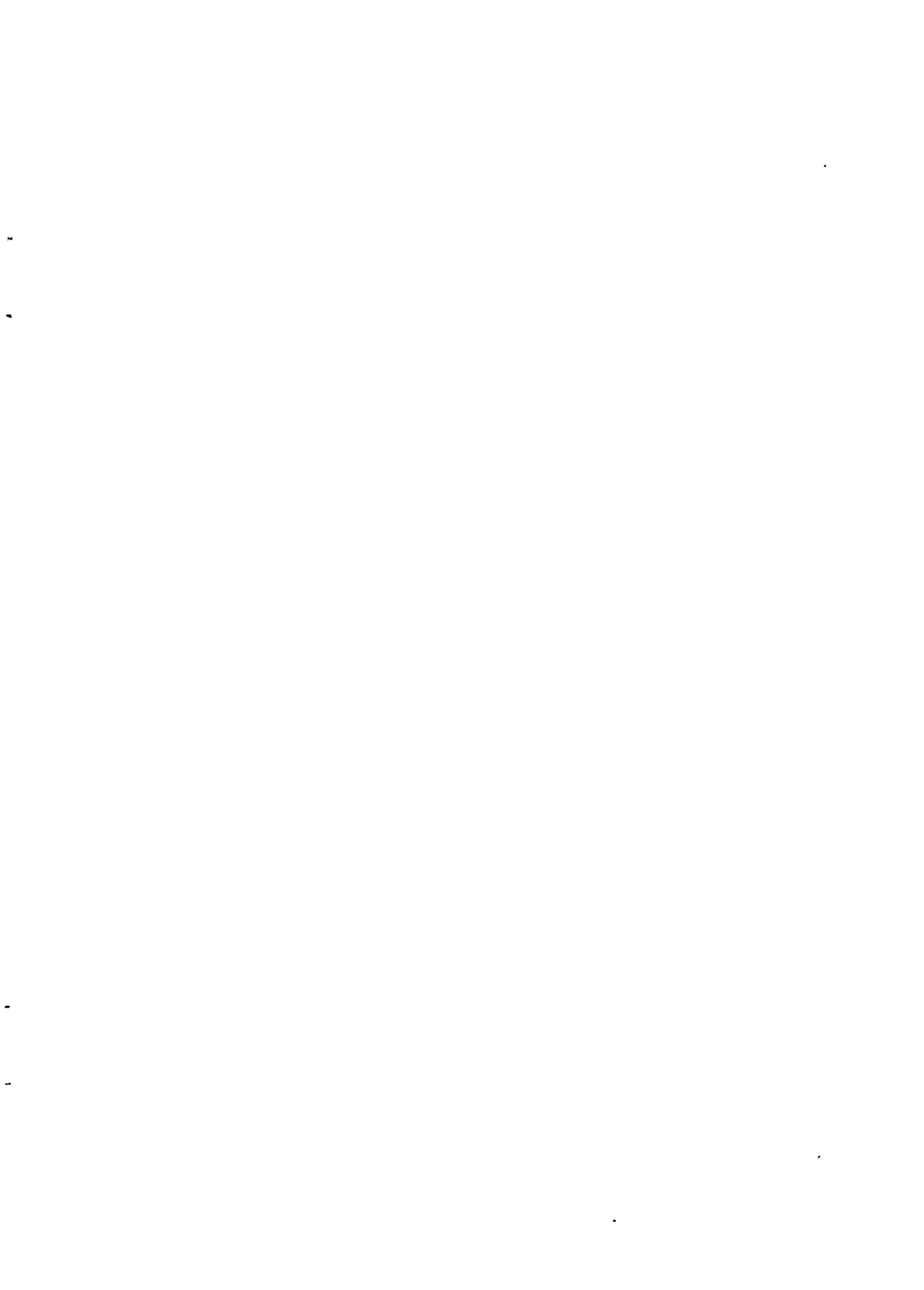
8) **Плюснина, И. П.** Волжская тематика «Материалов для словаря русского народного языка» А. Н. Островского [Текст] / И. П. Плюснина // А. Н. Островский в движении времени : материалы всерос. науч. конф. В 2 т. Т. 1. – Шуя : Изд-во «Весть» ШГПУ, 2003. – С. 98–101.

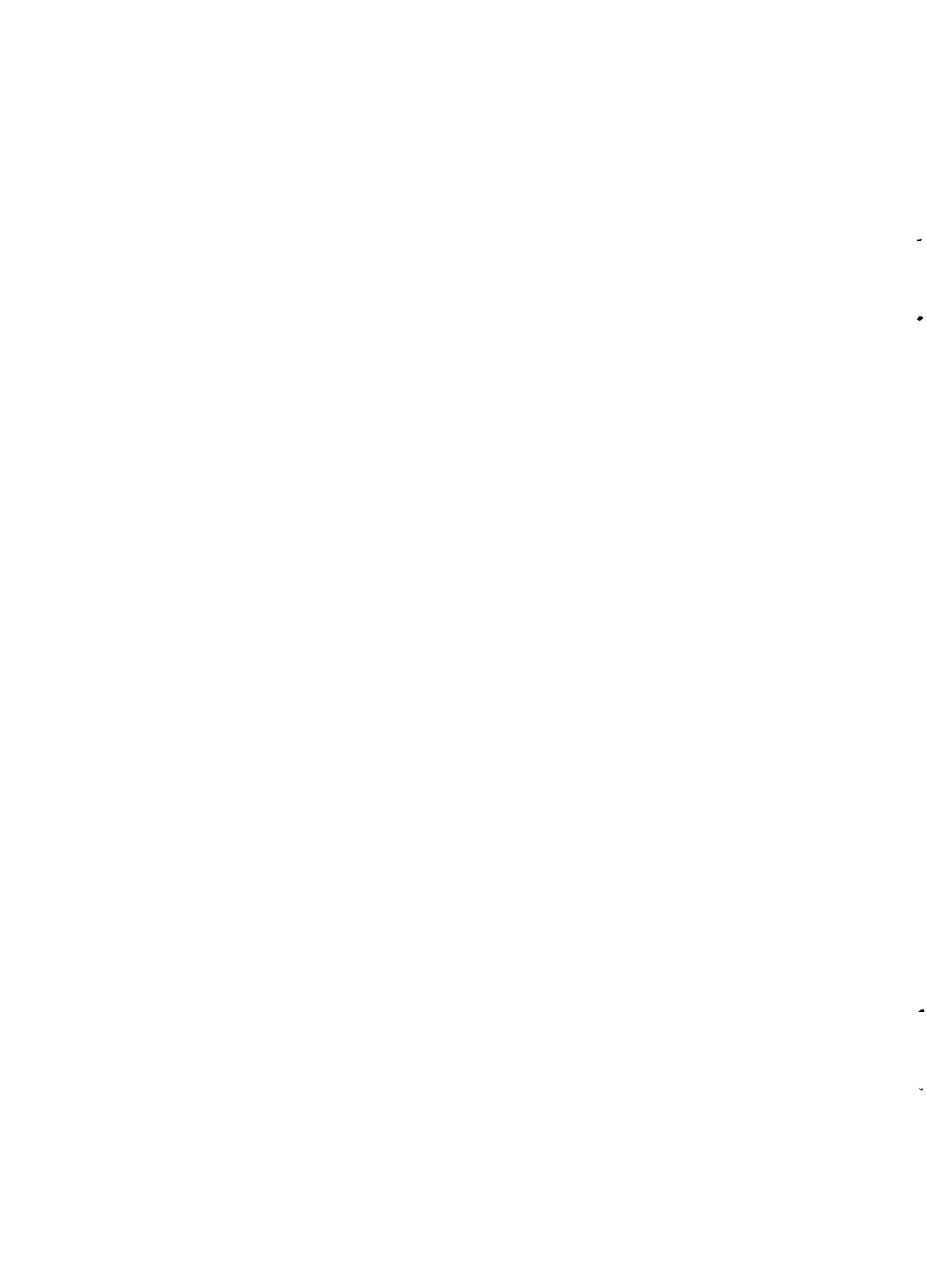
9) **Плюснина, И. П.** А. Н. Островский и В. И. Даль. Лексикографический дискурс [Текст] / И. П. Плюснина // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – словари : материалы II Всерос. науч. конф., Иваново, 3–5 апр. 2003 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. – С. 72–76.

10) **Плюснина, И. П.** «Материалы для словаря русского народного языка» А. Н. Островского и костромские говоры [Текст] / И. П. Плюснина // Проблемы фразеологической и лексической семантики : материалы междунар. науч. конф., Кострома, 18–20 марта 2004 г. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – С. 259–261.

11) **Плюснина, И. П.** Слова с пометой «кинеш.» в «Материалах для словаря русского народного языка» А. Н. Островского [Текст] / И. П. Плюснина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней : материалы II региональной научной конференции, Иваново, 25 сент. 2004 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. – С. 52–55.

Верба Ирина Павловна

АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 17.04.2006. Гарнитура Times. Формат 60 x 84 / 16.

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 79

Отпечатано в ГОУ ВПО «Костромской государственный университет
имени Н. А. Некрасова»

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14

2006A
10423

10423